

ПРИРОДА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ В СИНЕРГИИ «ЯЗЫКА»

Работа выполнена при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. (ГК № 14.741.11.0379 от 30.08.2012 г.).

Современная психология призывает к широкой антропологизации науки. В нашем понимании это свойство присуще имманентной эволюции особых живых систем. Естественным для них является язык ДНК. Человеческий этап развития связан с появлением множества естественных и искусственных языков. Для обсуждения представлены вопросы когнитивно-биологических предпосылок языка; филогенетический смысл языка; заряд и энергия познания. Решение этих задач выведет на понимание энергии Логоса в созидаании косной и живой материи. Можно положить, что перекрестные связи между неоплатонизмом, юнгианской психологией и эволюционной нейробиологией обеспечивают взаимно соответствующие взгляды на человеческую природу. Представляется путь психоистории на пересечении современных подходов антропологической психологии (ТПС Ключко), энергийной антропологии (Хоружий), общей теории репликаторов. Особо подчеркнем привлечение энергийного принципа воплощения (психоистории) в лингвокодовых структурах (ДНК, мозг, язык). Развертывание антропологических систем в целом (творение) в граничных свойствах представляет особую неизвестную форму, определяемую как Антропологическая граница.

Ключевые слова: Новая антропологическая модель; синергия; язык.

Возможности человека не изучены до конца. Представляются точки зрения беспредельного и конечного их свойства.

Научный подход оптимистичен в варианте беспредельного, но с этически обусловленной обратной связью. Однако это контекст скорее позитивистской науки Рационального Времени – эпохи Просвещения. Наука же – «антропологический» продукт и, следовательно, имеет и своеобразные измерения развития.

Особое место занимает направление наук о человеке. Здесь исследователь одновременно и субъект, и объект науки, слитые в единое целое. Возникает особый феноменологический подход в познании, выраженный в индивидульно-целостном переживании, нерасчлененности. Опыт становится представлением, но и вчувствованием. Герменевтика как позднее дополнение феноменологического метода нацелена на интерпретацию скрытого, потаенного.

Психология призывает к широкой антропологизации науки. Определены многомерные «пространства» психологического развития человека, необходимое и достаточное число координат которого предлагается шесть. А основой мерности является надситуативная деятельность.

Беспредельность активности человека определяется свойствами живого, живых систем, постоянным S–O взаимодействием реальности. На границе развивающегося взаимодействия порождаются новые Психологические Системы (ПС), согласно теории ПС (ТПС Ключко) [1]. Бесконечномерности развития соответствует бесконечномерность взаимодействия. Такой тип развития соответствует синергетическому в теории Синергетических систем, где основным принципом является «существовать – значит выходить за пределы». Выход за пределы – это метафора, которая выражает трансформирующее взаимодействие, прежде всего культуры с человеком.

В пограничном слое Духа и Материи находится предмет психологии [1]. Ее целью становится изучение психологических систем человека. Подчеркнем все же человека – он находится в центре познания, науки.

Если это так, то неминуем вопрос об истоках движения человека к знанию и его границах.

Цитируя работы «системных» психологов, можно сделать предположение, что идущие сложные процессы «перерождения научной ткани в психологии» психологизируют и сами науки. Необходимо исследовать особую сторону познания – психологичность. Без этого будет неполным и даже недостаточным понимание ассимиляции одновременно многими науками единого взгляда на природу.

Основной задачей данной работы является приближение к решению о потенциальной функции языка, как носителя и соиздателя знаний. Здесь отражены возможные подходы к раскрытию природы психологического познания, используя единственно возможный человеческий путь – раскрытие смыслов через языки. В этом контексте можно говорить о динамичности языка, языковой природе герменевтического опыта [2].

Для нас интересна постановка проблем: 1) Каковы когнитивно-биологические предпосылки языка? 2) Каков филогенетический смысл языка? 3) Какова энергия познания, скрытая в языке? 4) В чем природа синергии языка?

Очевидно, что в постановке (1) трудно увидеть что-либо нетривиальное. На наш взгляд, интересны упоминаемые уже несколько лет положения работ по аутопоэзису нейробиологов У. Матураны и Ф. Варелы, придающие проблеме новые импульсы. Упоминание этих имен в такого рода работах считается признаком «хорошего тона» – своего рода «знаком осведомленности», тем не менее, отметим некоторые положения.

В концептуальной работе «Древо познания» говорится о невозможности выйти за пределы когнитивной области. Сделать это не позволяет природа языка, преодоление же границ и выход означали бы сверхъестественным образом изменение языка [3]. Познание авторы рассматривают как непрекращающуюся рекурсию, где любой возникающий мир прячет свое начало.

В развитии теории аутопоэзиса (аутопоэзис – динамическое «самопродуцирование» в смысле – самопроизводство, строительство себя самого внутри себя) чилийских нейробиологов произошел переход (как и в эволюции живых систем – ЖС) от понимания аутопоэза (сетевое самосоздания) до теории Сантьяго (в объяснении работы нейронных сетей). Концептуально по-

знание сопряжено с деятельностью, направленной на само-поддержание, созидание аутопозных сетей [4].

ЖС инициируют внешние возмущения для определения структурных изменений, творя тем самым мир. Когниция же тогда отражает любые нарастающие структурные сопряжения и с окружающей и внутренней средой (Ф. Варела говорит о том, что разум и мир переживают совместное становление [4]).

Принципиально важной здесь выступает идея сопряженного развития материального и ментального миров. В определенной степени можно говорить о новой эпистемологии, отличной от той, в которой утверждалась идея ментального отображения.

Следует сказать, что пересмотр произошел в современной психологии. В развитии теории ПС полагается, что «ментальное пространство и есть то, что опосредует отношения между S- и O-реальностями» [5]. ТПС в целом пересматривает понятийный аппарат психологии в соответствии с новыми научными принципами, которые определяют современное парадигмальное поле развития.

У. Варела и Ф. Матурана говорят о том, что творимый мир зависит и связан с нашей собственной структурой.

В отношении к ДНК следует сказать, что, опираясь на теорию Сантьяго, можно усилить вывод, сделанный авторами (в ТС понятие генетического кода имеет смысл только в основе его метаболической сети).

Можно проектировать и дальше, что ДНК человека имеет такое структурное сопряжение и смысл (существование), которое лежит в основе всего последующего семантико-языкового кода.

В развивающемся направлении нейрофеноменологии создается синтез, устраняющий дуализм «мозг – психика» через сопряженность соразвития (коэволюции) и явление резонанса. Варела называет резонансные явления, сопутствующие (коррелирующие) эмпирическим состояниям, «фазировкой».

Итак, в теории Сантьяго (Santiago Theory; ТС) утверждается, что теория познания расширяется. В нашем представлении наиболее интересным моментом теории является утверждение, что Разум (ментальная деятельность) имманентен материи на всех уровнях живого. Неожиданным следствием ТС может стать отрицание необходимости мозга и нервной системы как следствие глобально-артикулированного утверждения и отождествления познания с процессом жизнедеятельности.

Не будем останавливаться на этом радикальном пересмотре теории познания. Для нас важным является следующий переход.

Во-первых, возврат к некоторым древним идеям тождества духа и тела. «Отождествление разума или же познания с процессом жизнедеятельности – это новая для науки идея, но также и одна из глубочайших и древнейших интуитивных догадок человечества» [6].

Во-вторых, ввод и уточнение таких понятий в ТС, как «паттерн» – «процесс» – «структура», которые позволили принять положение о мозге как о специфической, но не единственной структуре (напомним, что структура в ТС – это физическое воплощение паттерна организации), посредством которой этот процесс (познания) протекает [6].

В теории Сантьяго решается вопрос о человеческом языке (проблема 2). В антропологии приматов языка

считается жестовая коммуникация, а затем на этой основе (как известно, центры речи находятся около моторной и соматосенсорной извилин конвексальной коры) развилась манипуляция с предметами и трудовая деятельность. В мозге в области теменно-затылочно-височной (ТРО), которая занималась пространственным синтезом, сформировался квазипространственный центр – центр отношений между символами.

Это был решающий этап. Он не противоречил предыдущим, настраивался в структурах гомоморфных по предшествующей деятельности. Появилась способность к «синтаксису». То есть сложные упорядоченные движения и последовательности-серии есть речевой пресинтаксис. Эта концепция, цитируемая Ф. Капррой, принадлежит Г. Хьюзу, а представлена приматологом Фуотсом в его удивительной книге «Next of Kin», посвященной легендарной самке шимпанзе Уошо (Washoe) и языку ASL (американский язык жестов; American Sign Language), которому выучились шимпанзе двух поколений (во втором – самостоятельно).

В 1968 г. Ноам Хомский (Chomsky N.) обосновал преформистскую теорию развития речи. Он предложил вариант общей базовой модели. Независимо от того, какой язык является для человека родным, овладение им, по мнению Хомского, происходит на основе универсальной грамматики – генетически установленной системы правил, заключенной в речевых структурах мозга. Сравнивая окружающую речь с правилами врожденной грамматики, человек овладевает родным языком.

«Порождающая модель» исходит из идеи существования конечного набора правил, способных предздать или породить все правильные и только правильные предложения языка. Ноам Хомский предположил, что порождение речи осуществляется от синтаксиса – к фонологии, т.е. отгалкиваясь от наиболее абстрактных синтаксических структур. Смысл Хомский усмотрел не в синтаксисе, а в семантике, инициировав новое направление в генеративной лингвистике – генеративную семантику [7]. Эти идеи близки современной нейропсихологии.

В книге «Язык как инстинкт» Стивена Пинкера делается дальнейшее предположение о том, что способности к языку присущи человеку с рождения. С. Пинкер опирается на идею Ноама Хомского о том, что в основе всех человеческих языков лежат единые грамматические принципы. Пинкер также разделяет язык и способность рассуждать. Он формулирует понятие «ментальный модуль», которое близко к понятию имплицитного знания.

В когнитивной психологии знания разделяют на эксплицитные (осознаваемые и коммуницируемые) и имплицитные. Последний вид знаний вызывает особый интерес. Так, например, к ним относят прайминг-эффекты. Прайминг-эффектами называют влияние прежнего контекста на скорость опознания связанных с ним стимулов (эффекты предшествования). То есть это некий когнитивный «метаболизм».

Имплицитными, видимо, являются и многие из наиболее фундаментальных представлений человека о действительности, что указывает на их психологическую природу.

В последние годы в когнитивных исследованиях возникли и получили распространение новые междис-

циплинарных подходы, ведущие к построению математических моделей, в которых имплицитное знание получает интерпретацию [8].

Рассуждения второй части рассматриваемой задачи задают тон всей работе (проблема 3). Здесь научная сторона тесно смыкается с мировоззренческой. Но такого рода исследования, напрямую связанные с проблемой человека, всегда выводят на причину Человека и смысл в Мире.

Сделаем небольшое отступление, в котором отчасти ученическим образом соединим линии, указывающие на единый процесс развития человека, языка, речи.

В 1920-х гг. Н.Я. Марр выдвинул теорию происхождения всех языков мира от единого языка-прародителя, впоследствии концепцию, получившую собственное имя «марризм» (идея стадиальности, некоторые положения о связи мифа и языка). Данная гипотеза возникла из лингвистической типологии Ф. Шлегеля и В. фон Гумбольдта, антропологов А. Веселовского и Л. Леви-Брюля.

Концепция Марра получила развитие в трудах А.Ф. Студенцова, который предложил этимологическую версию восточноевропейского этногенеза (в том числе русского этноса) начиная с 2,5–3 тысячелетия.

Другая универсальная лингвистическая концепция принадлежит В. Шеворошкину из Мичиганского университета (гипотеза о прамировом языке, теория глобальной этимологии.) Его и группу лингвистов относят к группе последователей протоязыка в рамках «ностратической школы». В. Шеворошкин – ученик советского языковеда А. Долгопольского – в середине 1970 гг. и советский лингвист – В. Свитыч-Ильич – в 1963 г. составили независимо друг от друга словарь «ностратического» языка. «Ностратическим» эти ученые называют некий первобытный протоязык, от которого произошли семито-хамитские, индоевропейские, урало-алтайские и другие языки.

Высказываются и сомнения относительно nostrатических методов исследования языков. Между тем лингвистам в СССР (С. Старостин и др.) удалось восстановить другой протоязык – «дене-кавказский (синокавказский)», который являлся прародителем китайского и ряда других азиатских языков. Эти линии, как считается, восходят к шумерским языкам.

Кроме nostrатического, есть и другие гипотетические варианты. Например, модель бореального праязыка, возникшая в школе де Соссюра.

Идея существования устойчивых сакральных корней (или архетипов) языка позволяет провести этимологические обобщения на очень глубоком уровне. Примеры подобных архетипов рассматривает А. Голан в книге «Миф и символ».

Ряд неочевидных фактов указывает на некие события, возможно растянутые во времени, но, тем не менее, имеющие общий вектор направления развития.

Сошлемся на Вяч. Вс. Иванова, который утверждал, что следует отнести «возникновение естественного звукового языка в его членораздельной, близкой к современной форме к периоду, лежащему между сапиенсами неандертальцами (H.s.n) и людьми современного типа (H.s.s)».

Главное, что утверждается: естественный язык – одна из наиболее явных отличительных черт Homo s. sapiens.

Археология, генетика, антропология, глоттохронология, мифология, религиоведение доказывают, что

некое событие, свершившееся в точке «X», направило энергию Логоса в новое русло созидания косной и живой материи, не обладавшей еще в полной мере свойствами аутопоззиса (самосозидания).

Согласно гипотезе известного исследователя науки С.Д. Хайтуна, материя в ходе эволюции перешла от простых субъектов самоорганизации в виде флуктуаций физического поля к генам, а затем к более сложным репликаторам: юнговским архетипам и культурным образцам (цит. по: [9]). Отметим работы по палеорекострукции языка. Видимо, самым далеким познанным для нас и археологически и с точки зрения языковой структуры является царство Шумер, чье возникновение приходится на третье тысячелетие до н.э.

Протоязык(и) и составил(и) языки кодов развития человечества. Отметим сакральность этих языков и почти сохранившуюся до настоящего времени кодовую семантику. «Знак, вносимый в хаос, генерирует реальность», – утверждал М.С. Евзлин (цит. по: [10]).

Знаки и символы стали обладать некой созидательной «энергией» Логоса.

Здесь уже переступается грань научного эмпирического и теоретического подхода, научной методологии – испытанных путей обоснования и понимания фактов и явлений.

У нас нет пока другого пути объективизации этой энергии, как того требует научный подход. Но все же нельзя употребление термина отнести только к области метафоры. Традиция требует либо оставаться в рамках научной методологии и научного метода познания, либо перейти в область религиозно-философской методологии. Известно, что нет критериев и доказательных средств для обоснования более верной формы познания.

В первом приближении достаточно положение, что существуют перекрестные связи между неоплатонизмом, юнгианской психологией и нейрофеноменологией, которые обеспечивают три взаимно соответствующих взгляда на человеческую природу, каждый из которых дополняет друг друга. Это своего рода конвергентная модель «одухотворения материи», или «отверждение духа».

На пути понимания в нашем распоряжении имеется два образца проявления метода энергийной диалектики (термин Г.М. Тарнопольской [2]).

Один подход, научно-философский, представлен тетракидой-пентадой А.Ф. Лосева, другой источник получен из работ С.С. Хоружего, Н.Н. Карпицкого и Г.М. Тарнопольской. Остановимся кратко на этих методах.

Энергийная диалектика предполагает взаимодействие – синергию (сорботу) энергии познания с энергией символа и порождение новой потенции, которая обладает свойствами аутопоззиса и онтологического творения бытия человека [2].

Можно добавить, что эмоциональное ожидание предвзывает воплощение в познавательном акте, что может быть охарактеризовано как познавательная энергия (когэнергия, термин авторов).

Эмоциональная потенциальность того, что будет открыто, переживание воплощения. И воплощение смысла в символе при меональном бутстрапе (все во всем; скрытый порядок) в раскрытие символа, постижение его глубины.

Это уже есть энергичная апофатическая (в понимании Г.М. Тарнопольской [2]) сущность символа.

Сошлемся на высказывание С.С. Хоружего: «...сегодня надо смотреть шире. Глобализация идет и в сообществе дисциплин, дискурсов: речь надо вести о судьбе не одной науки, а всего способа знания, эпистемы. Эпистема же – в процессе крутого изменения, что именуется “антропологический поворот”, на смену идет примат антропологических факторов, того, что делается с человеком».

И далее: «Человек стал меняться – резко, неконтролируемо и притом непонятно... эти явления не укладываются в обычные европейские представления о человеке, европейскую антропологическую модель. В основе ее два понятия: человек в ней рассматривается как сущность и как субъект; и оба приходится отвергнуть. ...И главный, если угодно, урок из современного опыта – то, что никакой такой сущности просто нет, человек ею не наделен. Тем самым, классическая антропология в корне непригодна, и перед нами задача поиска новой модели человека».

Попытки решения создавались в лоне мировых религий. Здесь не приписывали человеку никаких сущностей, а вели работу с тем, что у человека есть заведомо – с его энергиями. Поиски С. Хоружего базировались на тщательном изучении исихазма, традиции православного подвижничества. Как показывает анализ исихастского опыта, намечаются контуры новой антропологической модели, не предполагающей у человека сущности, но описывающей его как систему энергий (пути решения проблемы 4). Сегодня уже можно извлекать первые выводы [12].

В философии постнеклассического мышления рассматривается мир, в котором существование человека необходимо для самого мира. Человек является собой неотъемлемую, облигатно-фундаментальную характеристику Вселенной.

По сути это экологический подход, который рассматривает природу действительности как реальность, актуализируемую самим актом познания [13]. То есть акт познания и само знание существенно связаны с сущностью человека.

Именно в экологической психологии видится такой вариант развития, как экстерниоризация нейробиологических кодов-языков человека. В 1972 г. появилась экологическая лингвистика Э. Хаугена, а в 1990 г. – языковая экология М. Халлидея. Эколингвистика прошла путь от метафорического переноса экологических понятий на язык до науки о взаимосвязи лингвистического и биологического разнообразия [14].

В.Ф. Нечипоренко включает в эколингвистику биоллингвистику, под которой он понимает «науку о взаимоотношениях, взаимосвязях материального и духовного (психического) начал в человеческом организме» [15]. Представления о языке как о части окружающей среды содержатся и в концепции аутопозиса чилийских нейробиологов Ф. Варелы и У. Матураны [16].

Таким образом, можно видеть последовательное сближение, идущее с разных сторон к значимому результату: видится переход, который требует постоянной рефлексии.

Со времени Декарта вопрос об истинности получаемого знания ставился неоднократно. Декарт утвер-

ждал, что в одном можно быть уверенным совершенно: в своем собственном существовании.

Однако этот вывод антропологичен, он становится таковым, когда знание для человека имеет единственный источник – самого человека. Это знание, главной целью которого является самообретение и оправдание Творения и Творца.

Такой предельной смысловой формулировке можно придать и более мягкую форму. К примеру, человек – как источник симвоогенеза, формы которого имеют порою сущности в материальном мире.

Человеческие мыслеформы (МФ) суть такие же «организмы», коэволюционирующие в соответствии с развитием человека.

Любая МФ воплощена в языке, и поэтому языку всегда придавалось существенное значение в эволюции *H.s.sapiens*. Общностью в мысли обладают «значение-смысл-слово». Можно утверждать, что спонтанная эволюция «текстов», как ранее эволюция ГЯ, сопровождается психогенез человека.

Этот тезис выражен и в призыве исправления наук посредством искусств, т.е. их гуманитаризации.

Открытая миру и мозгу (ЦНС) познавательная система человека обрела качество, в котором, «несмотря на ее природу, ей было отказано». Таковым является качество «человекомерности» мира, проявление которого можно проследить сквозь всю историю развития мышления.

Принцип «человекомерности» утверждает зависимость суждений и мышления от существования человека в мире, как если бы это было необходимым для самого мира, т.е. рассматривает существование человека как фундаментальную характеристику Вселенной.

Одним из первых указавших на принципиальную схожесть и единство биологических и культуральных языков был М.Б. Медников, создатель известной работы «Аксиомы биологии». В ней он указал на возможность создания общей теории эволюции последовательно реплицирующихся систем.

Английский теоретик эволюции Р. Докинз («Эгоистичный ген») развивал идеи коэволюции. Согласно Докинзу, следует различать устойчивые элементарные элементы культурной деятельности человека, которые он называет *memes* – «мемами», единицами репликации культурных образцов.

Как и «язык» ДНК (ГЯ), языки речи – это знаковые системы, в которых звучание слов не связано с вкладываемым в них смыслом. С помощью слов можно закодировать сколь угодно большой объем информации. Этим язык обязан качеству спонтанности, которое открыл В. Налимов и выразил в байесовской вероятностной модели языка.

В новой парадигме коммуникативной «нейросинергетики» живут сложные эволюционирующие системы, среди которых самыми загадочными являются телесно воплощенный человеческий мозг и созданные им в оперативном взаимодействии с другими мозгами аутопоэтические языки человеческого общения (Г. Хакен, У. Матурана, Ф. Варела).

Мышление есть сетевой феномен. То есть акты человеческого мышления можно рассмотреть с точки зрения сетевых эффектов общества и организации человеческого мозга. Пока выход синергетических концепций (вход в постнеклассицизм) за пределы физико-математической сферы в гуманитарную только начинается.

В предельных смыслах символические системы эволюционировали от античных до христианских форм (западной и восточной ветви). Правда, утверждается, что в западной форме произошел возврат к дохристианской античной рациональной форме. Но это лишь подтверждает сетевую природу.

С.С. Хоружий рассматривает религиозную антропологическую модель как истинно человекообразную. В ней человекомерность мира развивалась в связи с представлением о человеке и его роли.

Христианство существует в «Благой вести» и являет собою особый тип антропологии. Восточное христианство не стремилось быть «правильной мыслью», но верным выражением подлинного опыта Богообщения, соединения с Христом (С. Хоружий). Здесь Мера Человека приобретает полную экзистенцию. Это область высших ступеней Духовной практики – область Антропологической Границы.

Можно отметить два ключевых положения Антропологической модели С. Хоружего.

Одним из них является концепт Антропологической Границы. Другой – концепт синергии, выдвинутый византийским богословием, утверждающий действие Божественной энергии в человеке и спонтанную трансформацию человеческого существа под ее действием.

С. Хоружий говорит о порождении антропологической модели «сверхчеловека» ницшеанского типа, в которой антропологическая реальность пластична и допускает богатые метаморфозы. Он говорит: «Вот правильная постановка проблемы, которую Ницше назвал “сверхчеловеком”: если силы в человеке образуют форму не иначе, как вступая во взаимоотношения с силами внешнего (синергетическая идея формостроительной роли внешней энергии. – С.Х.), то с какими новыми силами рискуют они вступить в отношения теперь, и какая новая форма, которая уже не будет ни Богом, ни Человеком, может из этого получиться?»

Итак, в этом русле современной антропологии идея формостроительного действия внешней энергии порождает антропологическую модель, в которой антропологическая реальность пластична и допускает богатые метаморфозы.

Поэтому существуют опасности, заложенные в природе спонтанности (своего рода перемещения мобильных элементов в геноме) информационного взаимодействия человек – человек. Этому феномену дано имя виртуальной реальности, которая, согласно С. Хоружему, и есть своего рода Антропологическая Граница.

В стратегиях Границы, указывает С. Хоружий, присутствует целый спектр явлений, «близких к духовным практикам». Исихастская традиция выработала для их характеристики понятие «преlestи».

Христианская модель человека определяет предельные смыслы существования, алгоритмы и стратегии достижения Границы. Близость Границы возможна как деструктивная, так и конструктивная по отношению к человеку. Возможный путь (хотя он существовал всегда) – это свертывание метаантропологической перспективы и редукция человека к эмпирическому индивиду.

Коды описаний существования человека в этих мирах имеют наименования: Энергичность, Синергия и т.д. и обладают глубоким смыслом, становясь семами (в квазигенетическом языке). Это отдельная пока не исследованная область (симия-семомика). ЧМ-модель наделяется субстанциональными предикатами – состояниями (подобно аллельным состояниям), принципиально различными альтернативами: индивидуальной целостности – телоса (Христианство) и безличности и бескачественности бытия (Буддизм). С. Хоружий предлагает выбор: альтернатива не имеет априорного решения. Нет доказательства того, что какая-либо из представленных стратегий «истинна».

«Исихастский опыт, который мы желаем ввести в поле философского рассмотрения, есть опыт антропологический; мы видим в нем определенный образ человека, модели сознания и деятельности, методы контроля, изменения, трансцендирования внутренней реальности человека» [17].

Квазигенетическая модель развития человека имеет эвристические возможности биокультурального универсализма. Язык человека обладает потенциально бесконечными возможностями. Хотя и не доказано, но, видимо, это является отражением свойств, заложенных в механизмах преобразований ГЯ. Как ни парадоксально, но единственным механизмом ограничения его становится его совершенная природа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ключко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в транслективный анализ). Томск : ТГУ, 2006. 174 с.
2. Тарнопольская Г.М. Энергичная диалектика онтогенеза символа. Томск : Изд-во Том. политехн. ун-та, 2009. 230 с.
3. Матурана У., Варела Ф. Древо познания / пер. с англ. Ю.А. Данилова. М. : Прогресс-Традиция, 2001. 224 с.
4. Капра Ф. Паутина жизни. Новое научное понимание живых систем. М. : София, 2003. 236 с.
5. Varela F. Neurophenomenology // Journal of Consciousness Studies. 1996a. Vol. 3, № 4. P. 330–349.
6. Капра Ф. Скрытые связи / пер. с англ. М. : София, 2004. 336 с.
7. URL: <http://arion.ru/wiki/NFSX>
8. Величковский Б.М. Когнитивная наука: Основы психологии познания : в 2 т. М. : Смысл : Издательский центр «Академия», 2006. Т. 2. 432 с.
9. Соснин Э.А., Поызнер Б.Н. Лазерная модель творчества (от теории доминанты – к синергетике культуры) : учеб. пособие. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 1997. 150 с.
10. URL: <http://spkurdyumov.narod.ru/poizner3.htm>
11. Введение в периодическую систему начал А.Ф. Лосева. URL: http://old.bfrz.ru/news/rus_filos/troitcsky_9_03_2006.htm
12. URL: <http://www.rg.ru/2005/01/15/horzshij.html>
13. Черникова И.В. Философия и история науки. Томск : Изд-во НТЛ, 2001.
14. Полухин А.А. Современное языкознание и экологическое мышление // Опыт-2008 : сб. науч. работ преподавателей и студентов факультета филологии. СПб. : РИО ГПА, 2009.
15. Нечипоренко В.Ф. Лингвофилософские основы эколлингвистики. Калуга : Калужская облорганизация союза журналистов России, 1998. 210 с.
16. Матурана У. Биология познания / пер. с англ. Ю.М. Мешенина // Язык и интеллект / сост. и вступ. ст. В.В. Петрова. М. : Прогресс, 1996.
17. Хоружий С.С. Исихазм как пространство философии // Вопросы философии. 1995. С. 80–94.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 6 декабря 2012 г.